

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2675](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2675)

А. В. Швецова, И. Г. Полякова

**СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РОССИИ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
И ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК**

Правильная ссылка на статью:

Швецова А. В., Полякова И. Г. Суррогатное материнство в России: пересечения общественного мнения и экспертных оценок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 53—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2675>.

For citation:

Shvetsova A. V., Polyakova I. G. (2025) Surrogacy in Russia: Intersections of Public and Expert Opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 53–77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2675>. (In Russ.)

Получено: 21.08.2024. Принято к публикации: 21.02.2024.

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РОССИИ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
И ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

ПОЛЯКОВА Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Межрегионального института общественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Аннотация. Цель исследования — анализ и сопоставление общественного и экспертного мнений по ключевым вопросам суррогатного материнства: этичность и мораль, мотивация суррогатных матерей и профессионализация их деятельности. Эмпирическая часть представлена данными масштабового опроса ($N=1440$) и материалами экспертных интервью (репродуктологи и репродуктивные психологи, $N=6$) (оба исследования проведены в Уральском федеральном округе).

Большинство респондентов одобряют суррогатное материнство, однако на уровне практики суррогатные матери и биологические родители часто встречаются с непониманием окружающих, в результате чего многие из них стремятся анонимизировать свою историю. В общественном восприятии мотивы суррогатных матерей часто противопоставляются как социально одобряемые (альtruистические) и менее приемлемые

SURROGACY IN RUSSIA: INTERSECTIONS OF
PUBLIC AND EXPERT OPINION

Anastasia V. SHVETSOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies
E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Irina G. POLYAKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Researcher, Interregional Institute for Social Sciences

E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The study analyzes and compares public and expert opinions on key aspects of surrogacy: ethics and morality, surrogate mothers' motivations, and the professionalization of their role. Empirical data comprises a mass survey ($N=1440$) and expert interviews with reproductive specialists and psychologists ($N=6$).

While most respondents approve of surrogacy in principle, surrogate mothers and intended parents often encounter societal misunderstanding in practice, leading many to conceal their involvement. Public perception commonly contrasts surrogate mothers' motives as socially approved (altruistic) versus less acceptable (financial). Experts, however, view this differently, expressing caution towards altruistic motives ('to help' or 'do good'). They suggest such motives may indicate insufficient emotional stability and raise concerns about the woman's readiness for the surrogate role. Crucially, the interpretation of the 'financial

(финансовые). При этом эксперты смотрят на ситуацию иначе: как раз альтруистичные мотивы они воспринимают с настороженностью. Стремление «помочь» или «сделать добро» может, по их мнению, свидетельствовать о недостаточной эмоциональной устойчивости женщины и ставит под вопрос ее готовность к роли суррогатной матери. Важно, что сам «финансовый мотив» эти две группы понимают по-разному: общественность — как желание заработать «большие деньги», пожертвовав рожденным ребенком; эксперты — как необходимость решить сложный семейный вопрос, часто ценой собственного здоровья. Общественное мнение о профессионализации суррогатного материнства неоднородно и противоречиво, что отражает его ситуативный характер. Профессионалы подчеркивают необходимость тщательной подготовки суррогатных матерей, повышения их осведомленности о рисках и этапах процесса, а также психологической поддержки обеих сторон «репродуктивного путешествия».

Формируются два разнонаправленных дискурса: общественный фокус — на нормировании новых репродуктивных практик и их интеграции в традиционную картину родства, а профессиональное сообщество ищет оптимальные механизмы реализации, балансируя между законодательством, общественными взглядами и физиологией современного человека, где спрос на вспомогательные репродуктивные технологии растет.

Ключевые слова: суррогатное материнство, социология семьи, материнство, родительство, общественная оценка, экспертное интервью

motive' diverges significantly: the public often perceives it as a desire to 'earn big money' as if sacrificing the child, whereas experts frame it as a necessity to solve pressing family problems, often at the cost of the woman's health. Public opinion on professionalizing surrogacy is heterogeneous and contradictory, reflecting its situational nature. Professionals emphasize the need for thorough preparation of surrogate mothers (surmoms), enhancing their awareness of process risks and stages, and providing psychological support to both parties in the 'reproductive journey'.

Two distinct discourses are emerging: the public focuses on regulating novel reproductive practices and integrating them into traditional kinship frameworks, while the professional community seeks optimal implementation mechanisms, balancing legislation, public views, and the physiology of modern individuals experiencing rising demand for ART (Assisted Reproductive Technologies).

Keywords: surrogacy, family sociology, motherhood, parenthood, public assessment, expert interview

Введение

Распространение практик суррогатного материнства может рассматриваться как одно из проявлений глубоких социальных преобразований, трансформирующих не только системы брачно-семейных отношений, но и культурные нормы, на которых эти отношения исторически основываются. Материнство в большинстве цивилизаций символически связано с идеей святости, божественного участия, высшей миссии (что отнюдь не означает легкого бытия для самой матери), именно поэтому возможность технологичного (а значит, управляемого человеком, а не высшими силами) решения проблем бесплодия вызывает неоднозначные общественные реакции и суждения. Кроме того, реализация технологий суррогатного материнства сопряжена с тонкостями медицинского, юридического, политического, демографического, психологического и этического характера, что совокупно делает этот вопрос своеобразным лакмусом для определения тональности многих общественных процессов.

Суррогатное материнство — репродуктивная практика, при которой женщина (суррогатная мать) вынашивает и рожает ребенка для других лиц (потенциальных родителей), не становясь его юридической матерью после рождения. Организационно процесс реализуется через специализированные репродуктивные клиники и агентства, которые обеспечивают медицинское сопровождение (ЭКО, ведение беременности), юридическое оформление договоров, подбор и психологическую подготовку суррогатных матерей. Суррогатное материнство может быть традиционным (суррогатная мать является генетической матерью ребенка, что запрещено в России) и гестационным (эмбрион создается с использованием генетического материала потенциальных родителей или доноров и переносится в матку суррогатной матери, не имеющей с ним генетической связи). Суррогатное материнство может осуществляться как на альтруистической основе (потенциальные родители компенсируют только прямые расходы, связанные с беременностью, родами и медицинским обслуживанием), так и на коммерческой основе (суррогатная мать дополнительно получает вознаграждение за свои услуги). Правовое регулирование данной репродуктивной практики существенно различается в мире: оно полностью запрещено (например, в Германии, Франции, Швейцарии, многих исламских странах) из-за этических и религиозных противоречий; разрешено только в некоммерческой форме (например, в Великобритании, Канаде, Австралии, Нидерландах); разрешено коммерческое суррогатное материнство с разной степенью регуляции (например, в некоторых штатах США, в Бельгии, России)¹. Основные аргументы в пользу суррогатного материнства включают реализацию репродуктивных прав бесплодных пар или одиноких людей, помочь в создании семьи. Аргументы «против» фокусируются на рисках эксплуатации социально уязвимых женщин, психологических рисках для суррогатной матери и этических проблемах «торговли детьми». Понимание этих типологических, финансовых и правовых аспектов важно для корректной интерпретации данных о мнениях и практиках, представленных в данном исследовании.

¹ Как законы регулируют суррогатное материнство в разных странах и к чему это приводит. Аналитический обзор Forbes Woman от 8 декабря 2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/468277-kak-zakony-reguliruyut-surrogatnoe-materinstvo-v-raznyh-stranah-i-k-cemu-eto-privodit> (дата обращения: 30.10.2024).

По данным ВЦИОМ, 84% россиян считают допустимым обращение к услугам суррогатных матерей (за десять лет показатель вырос на 8 п. п.), причем вероятность прибегнуть к такому сценарию в гипотетическом случае вынужденной бездетности не исключают для себя четверть респондентов². Очевидно, что за этими данными стоят сложные процессы переосмысливания родства, границ вторжения технологий в человеческое тело, норм, регулирующих отношения в диаде «мать — ребенок». С точки зрения социологии особый интерес представляет пересечение суждений разных социальных групп о феномене суррогатного материнства, что дает возможность сделать срез противоречий, связанных с репродуктивной сферой в целом, и увидеть доминанты, определяющие характеристики общественных отношений в актуальный момент.

Цель данного исследования — анализ и сопоставление общественного и экспертного мнений по ряду ключевых вопросов суррогатного материнства: этичность и мораль, мотивация суррогатных матерей и профессиоинализация их деятельности, поскольку именно взаимодействие этих дискурсов формирует нормативное поле и социальную приемлемость практики суррогатного материнства в условиях роста спроса на ВРТ. Под общественным мнением мы понимаем суждения граждан, не являющихся акторами процесса (суррогатными матерями, реципиентами или специалистами в области репродуктологии), наблюдающих ситуацию «со стороны». Экспертное мнение — суждения специалистов в области репродуктологии, репродуктивных психологов, агентов по рекрутингу суррогатных матерей. Критерии выделения этих двух групп респондентов включают уровень вовлеченности (непосредственные акторы или наблюдатели) и профессиональный статус (практикующие в данной области дипломированные специалисты или неспециалисты, представляющие общественный срез).

Методологическую основу исследования составляет концепция репродуктивной справедливости [Luna, Luker, 2013], которая служит ключевым аналитическим инструментом для осмысливания выявленных противоречий между общественным и экспертным мнениями о суррогатном материнстве. Эта концепция, фокусирующаяся на структурных условиях, раскрывает глубинные причины (асимметрию ресурсов, влияние общественного мнения) порождающие фундаментальные различия в восприятии этичности, мотивации и регулирования суррогатного материнства между широкой публикой и профессиональным сообществом. Важно также, что концепция репродуктивной справедливости открывает возможность применения интерсекциональной оптики в исследованиях суррогатного материнства, поскольку сосредотачивает внимание на социальных контекстах и доступе к ресурсам, от которых зависит реализация права иметь или не иметь детей (в частности, позволяет анализировать влияние экономического положения на статус суррогатной матери).

Исследовательские задачи, которые решает данная статья: 1) выявить дискурсивные разрывы между общественным восприятием и экспертной опикой в морально-этической оценке суррогатного материнства; 2) описать пересечения общественного и экспертного мнений относительно мотивации суррогатных

² Суррогатное материнство: за и против. Аналитический обзор ВЦИОМ от 12 февраля 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analyticheskii-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv-1> (дата обращения: 30.10.2024).

матерей; 3) проанализировать особенности восприятия общественностью и экспертным сообществом перспективы профессионализации и коммодификации репродуктивного труда.

Обзор актуальных исследований суррогатного материнства

В англоязычной научной литературе можно выделить ряд влиятельных социологических работ, общей темой которых выступает альтруистический характер суррогатного материнства. Х. Якобсон в монографии «Труд любви: гестационное суррогатное материнство и работа по зачатию детей» [Jacobson, 2016] на материалах интервью показывает, что женщины считают суррогатное материнство призванием и неохотно описывают его как работу, несмотря на то что осуществляют «путешествие»³ на коммерческой основе. Х. Якобсон проводит параллели между библейским сюжетом об Аврааме и Саре, «воспользовавшихся услугами» служанки Агарь для рождения наследника, культурными правилами систем наложниц в традиционном Китае и современным суррогатным материнством, утверждая, что сам феномен родительства с привлечением второй женщины не нов, однако его масштаб, медицинские возможности и очевидное сходство с оплачиваемой занятостью требуют аналитического осмыслиения в части глубокого социального и культурного понимания семьи и того, как общество стремится разграничить ценность детей и рыночные отношения.

Схожие идеи выдвигает в своей монографии «Онлайн-мир суррогатного материнства» американский социолог Ж. Беренд [Berend, 2016]. Исследуя онлайн-площадку для обмена опытом, созданную суррогатными матерями, автор описывает отношения между женщинами, вынашивающими детей для другой пары, и потенциальными родителями в терминах «ощущение химии», «две семьи, помогающие друг другу» и «творческое переопределение родства». Суррогатное «путешествие» осмысливается в онлайн-комьюнити как акт «труда любви», самопожертвования, который невозможно выразить в денежном эквиваленте. Антропологическая перспектива позволяет автору погрузиться в частные истории женщин и, как подчеркивает Н. Конрой, последовательно вписать дискуссии суррогатных матерей в более широкое культурное понимание жизни, семьи, родства [Конрой, 2017]. В результате обмена опытом создаются коллективные определения основных процессов и событий, сопровождающих поиск пары, подготовку, беременность, роды и передачу ребенка, формируются ритуалы обмена подарками, забота о правильном питании, психологическом комфорте суррогатной матери, совместные прогулки и т. д.) и словарь (например, не принято использовать термин «surrogate mother» — вместо него употребляется «surrogate» или «surro», то есть слово «мать» часто опускается).

Таким образом, в ряде исследований суррогатное материнство рассматривается как альтруистическая практика, направленная на достижение Парето-эффекта — улучшение положения каждого, не причиняя никому вреда [Tharakan, 2024]. Но существует серьезный аргумент о коммодификации (превращении в товар) женского тела, что выражается на индивидуальном уровне в «покупке» более

³ Американские исследователи используют для описания процесса суррогатного вынашивания термин «путешествие», заимствуя его из лексикона самих суррогатных матерей (Х. Якобсон, Ж. Беренд).

богатыми людьми ресурсов организма тех женщин, которые испытывают финансовую нужду, а на групповом — в формировании когорты развивающихся стран, ставших фертильными донорами для резидентов экономически развитых регионов. Ожидаемо, что страны-реципиенты и страны-доноры коммерческого суррогатного материнства соответствуют мировым моделям неравенства. После того как лидеры суррогатного материнства (Индия, Непал, Таиланд, Мексика и Камбоджа) ограничили коммерческое использование практики, рынок переместился в другие менее развитые страны Южной Африки и Южной Америки. Для большинства женщин в этих странах суррогатное материнство не является «трудом любви», а представляет собой способ накормить собственных детей в ситуации крайней нищеты [Mukherjee, Sekher 2020; Ajayi, Adelakun, 2018]. Концепция «матки напрокат», как называют это С. Кашьяп и П. Трипатхи [Kashyap, Tripathi, 2022], превратила тело женщины третьего мира в «пассивные инкубаторы», насильственно дистанцированные от ребенка.

Эмпирические данные, на примере Индии, свидетельствуют о том, что финансовые, медицинские и эмоциональные последствия коммерческого суррогатного материнства в таких условиях сложны: более 60 % бедных женщин не улучшили свое положение после процедуры, 16 % еще глубже скатились в нищету и остались без средств к существованию; возможность купить недвижимость появлялась только у женщин, как минимум дважды прошедших суррогатное материнство. Треть женщин столкнулись с серьезными физическими последствиями для своего организма, все информантки сообщали об эмоциональных проблемах [Suryanarayanan, 2023]. В целом уровень бедности существенно коррелирует с рисками и негативными эффектами, а бытовые и правовые условия для суррогатных матерей значительно различаются в зависимости от страны, в которой реализуется программа (например, суррогатные общежития в Индии, где женщины не имели возможности ознакомиться с договором, составленным на английском языке, и практики профессионального юридического сопровождения в США).

Практика коммерческого суррогатного материнства закономерно порождает проблему определения статуса суррогатных матерей и рожденных ими детей. Возможная профессионализация суррогатного материнства и необходимость вписывания нарративов во внешние дискурсивные рамки повышают интерес к изучению опыта и мотивации суррогатных матерей, что требует уточнения категорий «работа», «труд», «вознаграждение», «призвание», «способности» и проч. для описания соответствующих ситуаций [Граматчикова, Полякова, 2023]. Еще сложнее обстоят дела с правами детей, поскольку они очевидным образом не участвуют в принятии решений, однако впоследствии становятся ключевой заинтересованной стороной. Австрийский исследователь А. Гаус утверждает, что право стать родителем ребенка должно быть обосновано интересами ребенка, которые имеют такое же нравственное значение, как и интересы взрослых [Gheaus, Straehle, 2023]. Следовательно, возникает этическая дилемма об информировании ребенка о способе его рождения (и ответ на этот вопрос лежит уже не в плоскости желания родителей, а в плоскости прав человека знать любые детали своей биографии), однако при этом могут быть последствия как для психики ребенка, так и для его отношений с родителями.

Стоит отметить, что характер социального отклика на развитие вспомогательных репродуктивных технологий (далее ВРТ) имеет национальную специфику, поскольку на него влияют как коллективные ценностные установки, так и правовая база. В мировой практике используется несколько инструментов для оценки общественного мнения по вопросам суррогатного материнства, в числе которых: польская шкала отношения к суррогатному материнству [Lutkiewicz, Bieleninik, Jurek, 2023], немецкий опросник «Отношение к суррогатному материнству» [Mohnke et al., 2019], «Шкала отношения к гестационному суррогатному материнству» [Rahimi Kian et al., 2016], шведская анкета для медицинских сотрудников «Отношение к суррогатному материнству» [Stenfelt et al., 2018]. Большинство опросников содержат в себе блоки морально-этической оценки, вопросы об отношении к денежной компенсации, отношение к суррогатным матерям и детям, рожденным с помощью этой технологии.

С. Агтерберг и коллеги [Agterberg et al., 2024], изучая демографические и семейные предикторы отношения голландцев к суррогатному материнству, пришли к выводу, что на установки влияют уровень образования (чем выше уровень образования, тем одобрительнее высказывания), сексуальная ориентация (негетеросексуалы более лояльны), национальность (голландцы лояльнее мигрантов), религиозная идентичность (религиозные люди чаще осуждают репродуктивные технологии). Возраст и место жительства при этом не оказывают существенного влияния на взгляды. Т. Барон и соавторы [Baron, Svingen, Leyva, 2024] выявили, что политические взгляды респондентов являются значимым фактором их этической оценки суррогатного материнства. Либерально настроенные граждане демонстрируют более высокий уровень поддержки практики в целом, в то время как консерваторы склонны одобрять ее преимущественно при наличии медицинских показаний (например, бесплодия у одного из партнеров). Этот контекст помогает объяснить общую лояльность британцев к суррогатному материнству, отмеченную исследователями: высокий уровень одобрения в обществе во многом связан с доминированием аргумента медицинской необходимости, который смягчает критику со стороны консервативной части населения. Таким образом, образование, культурные установки, религиозные и политические взгляды, и даже сексуальная ориентация могут влиять на отношение к суррогатному материнству, структурируя и определяя границы приемлемости — от безусловной поддержки до полного отрицания.

Характерно, что, несмотря на легализацию однополых браков во многих европейских странах, отношение населения к доступности технологии суррогатного материнства для негетеросексуальных пар неоднозначно [Armuand et al., 2018; Lutkiewicz et al., 2023]. Исследование мнений населения по вопросам суррогатного материнства актуально даже для стран, где оно запрещено и существует только в форме репродуктивного туризма⁴. Оппозиция в китайском дискурсе строится на этических и моральных возражениях, а также правовой уязвимости суррогатных матерей и детей [Liu, 2022], тогда как ключевой вопрос во Франции — гражданство детей, рожденных для французских пар за границей [Merchant, 2020].

⁴ Репродуктивный туризм — это практика временного выезда в другую страну для репродуктивного лечения с целью зачатия, вынашивания или рождения ребенка. Как правило, используется для «обхода» правовых запретов, например запрета на суррогатное материнство.

Эмпирические социологические исследования об отношении к суррогатному материнству в русскоязычном сегменте единичны. Данные В. Боровковой и коллег [Боровкова и др., 2022] свидетельствуют, что медицинское сообщество в России отдает некоторый приоритет в отношении процесса вынашивания ребенка и определения его судьбы родителям-заказчикам, выступает против государственного финансирования суррогатного материнства, реализации программ суррогатного материнства для иностранных граждан и одиноких людей как генетических доноров, а также считает альтруистические мотивы ненадежными. По большинству вопросов не выработано консолидированной позиции (исключение составляет необходимость юридического консультирования обеих сторон перед подписанием договора), что является косвенным признаком информационной депривации даже внутри профессионального сообщества. О. Исупова и Н. Русанова [Исупова, Русанова, 2021], исследуя представления студенческой молодежи о вспомогательных репродуктивных технологиях, не выявили у молодых россиян существенных этических или ценностных барьеров для обращения к суррогатному материнству, однако экономическая и географическая доступность, на их взгляд, снижает потенциал его использования.

Научные исследования дают возможность тщательного описания некоторых тенденций, отдельных элементов суррогатного материнства, но в меньшей степени отвечают на вопрос, какие дискурсы формируются в современном российском контексте. Полагая, что общественные и экспертные суждения в этом вопросе могут не совпадать, далее мы обратимся к собственным эмпирическим данным в попытке найти точки соприкосновения и диссонанса между ними.

Описание метода

Дизайн исследования продиктован задачей сопоставления общественного и экспертного мнений, что требовало применения двух параллельных исследовательских методик — массового опроса и экспертного интервью. Опрос реализован с использованием онлайн-сервиса Яндекс Формы ($N=1440$). Выборка репрезентативна в части половозрастной структуры (структура выборки представлена в Приложении 1). Регион проведения — Уральский федеральный округ. Сроки сбора данных — февраль — март 2023 г. Расчеты произведены с помощью SPSS Statistics 23. Ограничение исследования: выборка формировалась целенаправленно, что может приводить к ее смещениям и ограничивает возможность экстраполяции на генеральную совокупность. Основная цель анализа — выявление различий между ключевыми социально-демографическими группами респондентов.

Работа с экспертами представлена серией полуструктурированных интервью ($N=6$), в которых приняли участие репродуктологи, репродуктивный психолог и руководитель рекрутинговой компании, занимающейся подбором суррогатных матерей (таблица с данными экспертов представлена в Приложении 2). Все эксперты представляют г. Екатеринбург. Выбор региона исследования обусловлен его статусом крупного индустриального центра, лишенного столичной и выраженной религиозной специфики. Полученные данные прошли первичную обработку и кодировку, что позволило выделить три главные «точки напряжения», это морально-этическая сторона суррогатного материнства, мотивация суррогатных матерей и профессионализация сферы.

Результаты и обсуждение

Моральные и этические основания использования технологии суррогатного материнства

Корреляционный анализ показывает, что отношение к суррогатному материнству среди опрошенных россиян значимо зависит от пола (см. табл. 1). Женщины статистически значимо чаще выражают поддержку суррогатного материнства: позитивное отношение («очень» или «скорее положительно») отмечают 81 % женщин против 69 % мужчин ($p < 0,001$). При этом мужчины демонстрируют более высокую долю нейтральных ответов (17 % против 10 % у женщин).

Максимальная поддержка суррогатного материнства наблюдается в группе 31—40 лет (79 % позитивных ответов). При сохранении общего высокого уровня одобрения в старших возрастных группах (41—70 лет: 73 % позитивных ответов) доля категоричных оценок («очень положительно») снижается до 49 %. Статистически значимой линейной связи с возрастом не выявлено ($p = 0,059$), что подтверждает нелинейный характер возрастных различий.

Наличие детей не является значимым фактором: доли позитивных ответов среди тех, у кого есть дети (76,3 %), и тех, у кого их нет (72 %), статистически не различаются, что соответствует незначимой корреляции ($r = 0,035$, $p = 0,183$). Несмотря на небольшие расхождения в распределении ответов (например, 22 % «скорее положительно» у лиц с детьми против 16 % у бездетных), эти различия не носят системного характера. Таким образом, подтверждается гендерный разрыв в отношении к суррогатному материнству при отсутствии выраженной связи с возрастом и наличием детей.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к суррогатному материнству?» ($N = 1440$), % от ответивших по столбцу

Отношение к суррогатному материнству (% по столбцу)	Все	Женщины	Мужчины	18—30 лет	31—40 лет	41—70 лет	Есть дети	Нет детей
Очень положительно	55	60	50	56	59	49	55	56
Скорее положительно	20	21	18	15	19	24	22	16
Нейтрально	13	10	17	17	12	13	17	11
Скорее отрицательно	5	5	5	6	4	6	5	5
Резко отрицательно	1	2	1	3	0	2	1	1
Затрудняюсь ответить	5	3	8	4	5	7	5	6

Анализ данных, представленных на рисунке 1, позволяет выявить значимые различия в отношении к суррогатному материнству между мужчинами и женщинами, что согласуется с ранее установленной слабой, но статистически значимой положительной корреляцией. Женщины демонстрируют более выраженную поддержку суррогатного материнства в контексте его социальной роли (например, утверждения «Суррогатное материнство может помочь людям стать родителями

желанного ребенка» и «Суррогатное материнство должно быть доступно только по медицинским показаниям» находят больший отклик среди женщин, что подтверждает их склонность видеть в этой практике инструмент решения проблем бесплодия, а также осторожность в отношении расширения практики за пределы строгих медицинских рамок). Также они чаще выбирают вариант «Суррогатное материнство должно быть более четко регламентировано государством», что можно интерпретировать как большие патерналистические ожидания от государства в репродуктивных вопросах.

В то же время утверждения о доступности («Суррогатное материнство должно быть доступно всем гражданам, вне зависимости от дохода») разделяют представители обоих полов в равной степени, возлагая ожидания на социальную защиту со стороны государства. Утверждения «Суррогатное материнство позволяет женщинам заработать и улучшать жизнь собственных детей» и «Женщины вынуждены идти на суррогатное материнство из-за тяжелой экономической ситуации» имеют более высокий процент согласия среди женщин, отражая их понимание финансовой мотивации.

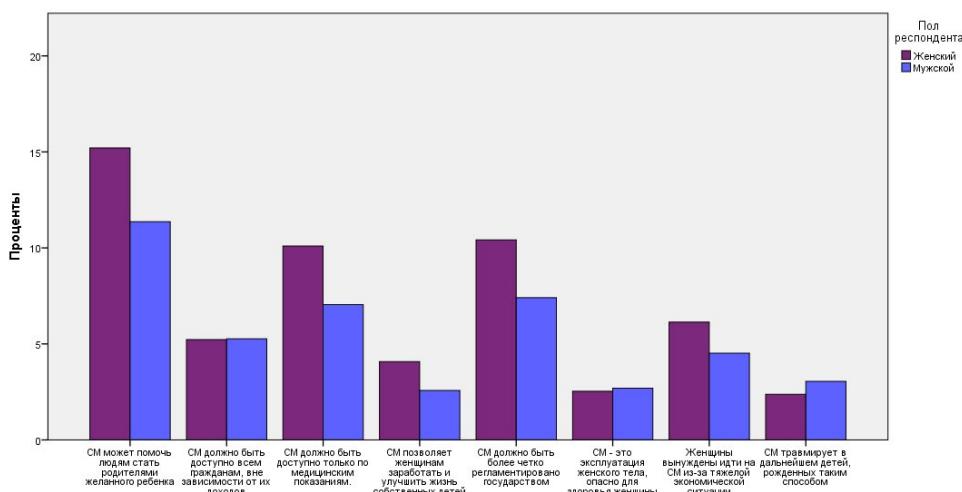
Этические риски суррогатного материнства, такие как эксплуатация женского тела и психологические последствия для ребенка, в обеих группах респондентов признают относительно редко. Утверждение «Суррогатное материнство — это эксплуатация женского тела, опасно для здоровья женщины» не показывает значимых гендерных различий, что может свидетельствовать о равной степени понимания физических последствий для суррогатной матери. Однако отсутствие явного интереса к этому вопросу в обоих группах подсвечивает тенденцию восприятия рисков беременности и родов как «естественных», не вызывающих особого беспокойства. Мужчины в целом реже пользуются возможностью множественного выбора вариантов, останавливаясь на одном-двух, что может объясняться их дистанцированностью от непосредственного опыта беременности и родов.

Гендерные различия в восприятии суррогатного материнства проявляются наиболее ярко в социальной роли практики и вопросах экономической мотивации. Женщины склонны видеть в суррогатном материнстве как возможность решения личных и социальных проблем, так и потенциальные угрозы, тогда как мужчины чаще занимают сдержанную или нейтральную позицию.

В то время как общественное мнение формируется стихийно под влиянием культурных норм и стереотипов, экспертное сообщество (репродуктологи, психологи, юристы) подходит к суррогатному материнству как к сложной клинико-этической практике, требующей стандартизации. Активная профессиональная рефлексия о суррогатном материнстве ведется не менее десятилетия, сфокусировавшись на разработке протоколов безопасности, юридических механизмов защиты сторон и критериев отбора суррогатных матерей. Этот опыт привел к формированию отчетливого профессионального дискурса, который часто расходится с массовыми представлениями в ключевых аспектах: от оценки мотивации участниц до подходов к регулированию.

Для экспертного сообщества суррогатное материнство — это частный случай решения проблемы бесплодия, который составляет альтернативу усыновлению (с той важной оговоркой, что суррогатный ребенок является генетически родным для реципиентов).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие утверждения наиболее точно описывают Ваше отношение к суррогатному материнству?»
(возможность множественного выбора, % от общего числа респондентов)

Для экспертного сообщества суррогатное материнство — это частный случай решения проблемы бесплодия, который составляет альтернативу усыновлению (с той важной оговоркой, что суррогатный ребенок является генетически родным для реципиентов).

Программа суррогатной матери оказывается проще, чем усыновить ребенка. (Эксперт 1, репродуктолог)

Это тоже крайний шаг, нет других вариантов. Есть вариант, когда вынашивает суррогатная мама, или вариант пойти в детский дом. Но в детском доме будет совершенно чужой ребенок, а здесь свой, родной, никакой генетики не переходит от суррогатной мамы этому ребенку. Это прям их биологический ребенок. (Эксперт 4, репродуктолог)

Масштабы репродуктивной дисфункции, по мнению врачей, колоссальны, поэтому спрос на услуги ВРТ растет, существенно превышая предложение, которое формируется под воздействием как этических, так и психологических барьеров. Увеличение спроса на суррогатное материнство эксперты связывают с социальными трендами, такими как отложенное материнство, распространение репродуктивных патологий. Один из экспертов указывает на дисбаланс:

Если у нас не будет ничего происходить в плане выравнивая социализации и социальных слоев, то бедные будут вынашивать богатым детей. (Эксперт 2, репродуктолог)

Этот прогноз отражает опасения по поводу усиления социального неравенства, при котором экономическая необходимость одних сталкивается с репродуктивными потребностями других.

Суррогатное материнство понимается специалистами как сложный, но необходимый механизм решения проблем бесплодия, имеющий двойственную природу. С одной стороны, эта практика становится последним шансом для людей, мечтающих о ребенке, с другой — она имеет очевидные медицинские и психологические риски. Врач-репродуктолог метафорично описывает суррогатную беременность так: «Маленькая пороховая бочка: где рванет и рванет ли, никто не знает никогда» (Эксперт 4, репродуктолог). Физиологические последствия, такие как выпадение волос или опущение матки (Эксперт 3, заведующий отделением ВРТ), сочетаются с эмоциональными трудностями. Например, суррогатные матери боятся столкнуться с невыплатой вознаграждения или привязаться к ребенку, а биологические родители — не получить его: «Родители боятся, что им ребенка не отдадут, а сурмама — что ей не заплатят» (Эксперт 6, директор агентства по рекрутингу).

К психологическим рискам специалисты относят стигматизацию участников программы. Как биологические родители, так и суррогатные матери вынуждены скрывать свое участие.

Ни одна религия не разрешает этого... Суррогатным мамам тоже не хочется, чтобы им тыкали пальцем, что она зарабатывает неизвестно на чем, чтобы ее называли плохими словами, поэтому она тоже будет скрывать максимально от общества. (Эксперт 4, репродуктолог)

Биологические родители скрывают, что их беременность вынашивает суррогатная мать, и суррогатная мать скрывает факт от друзей, родственников... коллег по работе (условно), чтобы это не обсуждал весь район, весь двор. (Эксперт 2, репродуктолог)

Эта скрытность характерна, по мнению представителя рекрутингового агентства, даже при взаимодействии с врачами и медсестрами, персоналом медицинских организаций, которые могут выносить личные суждения о приемлемости вынашивания чужого ребенка (Эксперт 6).

Несмотря на растущий спрос, суррогатное материнство остается маргинальной темой в общественном сознании. Заведующий отделением ВРТ констатирует: «Большинство не задумываются о проблемах, пока не столкнутся лично» (Эксперт 3). Это противоречие между медицинской необходимостью и стигмой, по мнению экспертов, является ключевым вызовом. Они сходятся во мнении, что практика требует не только правовых гарантий, но и изменения общественного восприятия, чтобы снизить риски для всех участников и обеспечить этичную реализацию программ.

Мнения о мотивах суррогатных матерей

Мотивация суррогатных матерей — еще один принципиально значимый вопрос, на котором основано законодательство многих стран, как было показано выше.

Сложность ответа на него состоит в том, что он содержит минимум два уровня: как «должно быть» по мнению респондента (идеальный, см. рис. 2) и «как есть» (реальный, см. рис. 3). Анализ связи между двумя графиками позволяет выявить ключевые тенденции в восприятии суррогатного материнства. Первый график, отражающий восприятие причин гражданами участия женщин в суррогатном материнстве, демонстрирует доминирование финансовых мотивов (например, «Хотят получить дополнительный доход» и «Вынуждены зарабатывать из-за острой финансовой необходимости (долги, отсутствие работы)»)⁵ над альтруистическими и моральными («Хотят помочь другим женщинам/парам стать родителями», «Испытывают чувство вины, хотят загладить свои ошибки (за аборты, разводы, проступки и т. п.)»). Приписывание суррогатным матерям экономических мотивов указывает на то, что суррогатное материнство воспринимается как вынужденная стратегия в условиях недостатка ресурсов.

Важно, что женщины чаще мужчин указывают как на финансовые, так и на альтруистические мотивы, тогда как мужчины активнее выбирают варианты «Им нравится состояние беременности» и «Хотят временно улучшить условия жизни (жилье, питание, медицина) в период беременности», то есть склонны более оптимистично оценивать состояние беременности и создание особых условий для женщины в этот период. Вариант «Испытывают чувство вины, хотят загладить свои ошибки (за аборты, разводы, проступки и т. п.)» наименее популярен и среди мужчин, и среди женщин. Суррогатное материнство, вероятно, не ассоциируется с искуплением, поэтому сама идея «исправления ошибок» через вынашивание чужого ребенка может восприниматься как противоречивая. Низкая популярность этого варианта у обоих полов указывает на общекультурные установки, а не гендерную специфику восприятия вопроса.

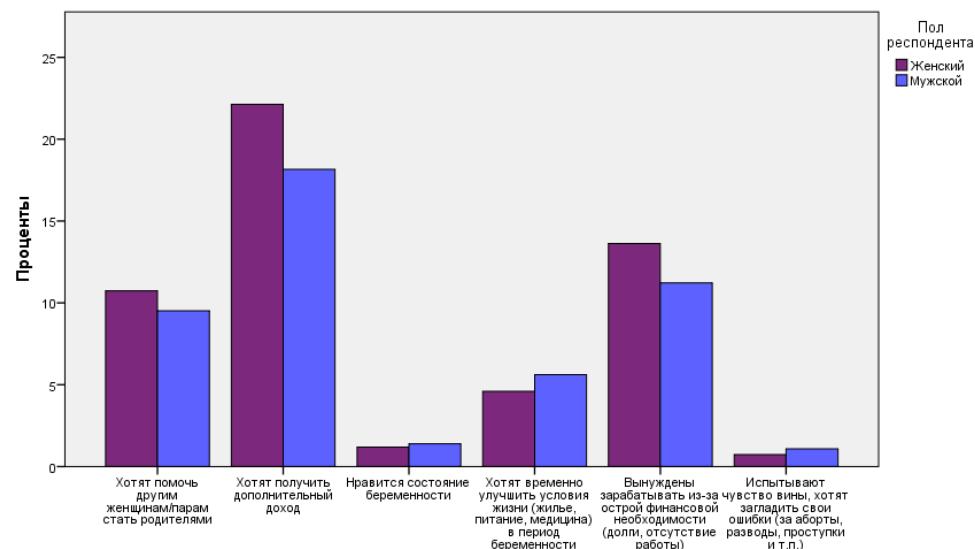
Анализ выявил ключевое противоречие между нормативными ожиданиями общества («как должно быть») и представлениями о реальных мотивах суррогатных матерей («как есть»). С одной стороны, респонденты считают социально одобряемым (идеальным) прежде всего альтруизм («Хотят помочь другим» — 10% суммарно, см. рис. 2), тогда как материальная мотивация («Хотят получить доход» — 20%) воспринимается как менее приемлемая. С другой стороны, в восприятии реальной практики (приписываемых мотивов, см. рис. 3) доминирует экономический фактор, в то время как альтруистический мотив отмечается чуть реже. Это создает диссонанс между нормативным предпочтением альтруистической модели суррогатного материнства как «правильной», но pragmatically признает доминирование экономических мотивов как реальность. Смешанные

⁵ Разделение финансовых мотивов в вопросе о реальных причинах участия женщин в суррогатном материнстве на три категории — «Хотят получить дополнительный доход», «Вынуждены зарабатывать из-за острой финансовой необходимости» и «Хотят временно улучшить условия жизни в период беременности» — позволило выявить ключевые нюансы экономической мотивации. Преобладание ответов, связанных со стремлением к дополнительному заработку и вынужденной необходимостью, указывает на системные проблемы, такие как недостаток социальной поддержки, ограниченный доступ к стабильным доходам или кризисные жизненные обстоятельства. Вариант «временное улучшение условий» подчеркивает, что для части женщин это стратегия краткосрочного решения проблем, таких как доступ к медицинскому обслуживанию или безопасному жилью, что отражает связь репродуктивного труда с текущими социально-экономическими условиями. В то же время объединение всех финансовых причин в категорию «Желание получить материальную выгоду для себя или семьи» при оценке социально приемлемых мотивов позволяет избежать избыточной детализации финансовых решений, сосредоточившись на факте оплаты услуг суррогатного материнства.

ответы респондентов (возможность выбора нескольких мотивов) могут отражать как социальную желательность (стремление смягчить «неудобный» финансовый мотив добавлением альтруистического), так и признание объективной сложности и многогранности мотивации, где экономические и неэкономические причины переплетены.

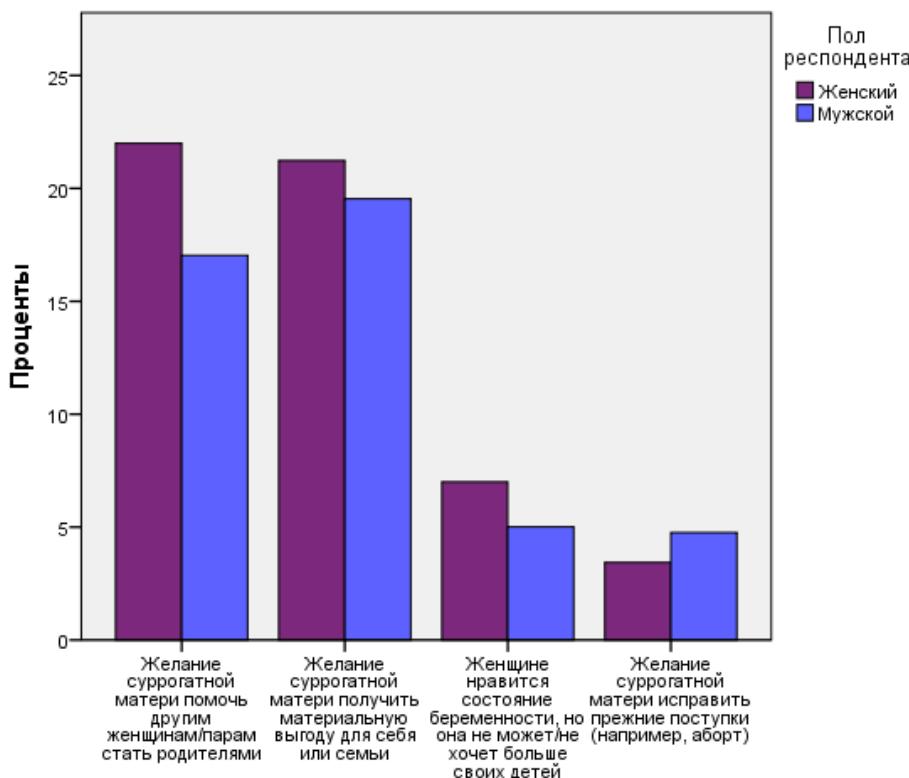
Анализ демонстрирует, что текущая оценка суррогатного материнства часто формируется под влиянием идеализированных представлений, которые могут не совпадать с реальными практиками. В условиях экономической нестабильности финансовые мотивы, даже если этически они считаются менее «пригодными», становятся «понимаемыми». Разрыв между графиками подчеркивает этическую двойственность суррогатного материнства, которое балансирует между помощью нуждающимся и коммерциализацией репродукции.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вам кажется, женщины становятся суррогатными матерями, потому что...» (% от общего числа респондентов)

В экспертном сообществе суррогатное материнство рассматривается преимущественно через призму экономической рациональности. Подавляющее большинство наших собеседников сходятся во мнении, что ключевым мотивом для женщин, участвующих в программах, выступает финансовое вознаграждение. Этот прагматический подход воспринимается не только как основной, но и как оптимальный, поскольку, по словам врача-репродуктолога (эксперт 1), «это работа с хорошим заработком», требующая профессионального отношения к обязательствам. Репродуктолог государственной клиники (эксперт 4) подчеркивает, что «финансовое вознаграждение — самая правильная мотивация», обеспечивающая дисциплину и минимизирующую эмоциональные риски.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных мотивов суррогатного материнства кажутся Вам наиболее приемлемыми?» (% от общего числа респондентов)

Это должна быть работа: ты должен сделать то-то, то-то, то-то четко, понимая, что ты должен вовремя принять таблетку, вовремя явиться туда, сделать то, что тебе сказали, не торговаться. (Эксперт 2, репродуктолог)

Альтруистические мотивы, напротив, оцениваются как проблемные из-за потенциальных внутренних конфликтов. Финансовая заинтересованность становится гаранцией прозрачности отношений, тогда желание «спасти мир» может маскировать неочевидные психологические сложности.

Когда мотив «сделать хорошее» — за ним что-то скрывается, а я не хочу, не имея возможности, разбираться, и не хочу в силу своей работы разбираться, что за ним скрывается и какие это риски влечет. Когда мотив — деньги, то вроде бы как все понятно для всех. Есть договор и есть условия сделки выполнения этого договора. (Эксперт 3, репродуктолог)

Процедура отбора суррогатных матерей формально фокусируется на медицинских критериях (возраст до 35 лет, наличие собственных детей) и редко включает

глубокий анализ мотивации. Однако, как иллюстрирует кейс от представителя государственной клиники (эксперт 2), изначальное любопытство специалистов к причинам участия женщин выявляет парадоксы: например, желание купить мужу машину как ключевой стимул. Финансовый мотив часто оказывается инструментом преодоления кризисных ситуаций. Суррогатное материнство становится для женщин (часто молодых матерей) стратегией решения острых проблем — от жилищных вопросов до выплаты долгов, как в случае, описанном директором рекрутингового агентства (эксперт 6), где участница программы компенсировала потери семьи от действий мошенников.

Динамика взаимодействия между сторонами формирует сложные социальные связи. Даже при анонимности процедуры годовой контакт биологических родителей и суррогатной матери создает гибридную форму отношений — «семейно-договорной микроклимат». Привлечение в качестве суррогатных матерей родственниц, по мнению репродуктивного психолога (эксперт 5), усиливает доверие, но может порождать неоднозначные последствия в долгосрочной перспективе. Таким образом, суррогатное материнство оценивается экспертами как экономически детерминированная практика, где финансовый обмен структурирует взаимодействия, снижая эмоциональные риски. Однако за этим прагматизмом скрываются индивидуальные истории преодоления, отражающие социально-экономические реалии современных женщин.

Профессионализация и государственное регулирование

Профессионализация суррогатного материнства подразумевает трансформацию стихийной практики в регулируемую отрасль с четкими стандартами, этическими протоколами и институциональной инфраструктурой, направленную на минимизацию рисков для всех участников процесса. Это может включать внедрение обязательной медицинской и психологической подготовки суррогатных матерей с акцентом на информированность о физических и эмоциональных рисках; разработку унифицированных юридических механизмов (типовые договоры, страховые продукты, механизмы финансовой прозрачности); создание реестров аккредитованных клиник и агентств, отвечающих критериям безопасности; введение этических комитетов для оценки индивидуальных ситуаций; стандартизацию постродового сопровождения, включая психологическую поддержку для суррогатной матери и потенциальных родителей и т. д. Идея признания суррогатного материнства профессией встречает сдержанную реакцию среди опрошенных (см. рис. 4). Менее 15 % мужчин и 18 % женщин поддерживают такую инициативу, тогда как каждый четвертый респондент выступают против. Значительная доля затруднившихся с ответом указывает на неоднозначность темы и опасения по поводу формализации этой деятельности из-за ассоциаций с коммерциализацией репродукции. В отличие от профессионализации, вопрос о государственном регулировании получил широкую поддержку (см. рис. 5). За него высказались треть мужчин и почти 40 % женщин, при этом противников оказалось крайне мало. Высокий уровень одобрения отражает запрос на правовую и, возможно, этическую экспертизу процесса со стороны государства. Женщины, традиционно более вовлеченные в вопросы репродукции, активнее поддерживают регулирование, что

может быть связано с осознанием рисков эксплуатации и необходимостью гарантий медицинской и юридической безопасности.

Сопоставление данных выявляет этическую двойственность. С одной стороны, респонденты ожидают регулирования со стороны государства, но при этом отвергают формализацию суррогатного материнства как профессии. Регулирование ассоциируется с порядком и защитой, тогда как профессионализация понимается как превращение материнства в услугу, что нарушает традиционные представления о семье и деторождении. Женщины демонстрируют более высокую поддержку как регулирования, так и (в меньшей степени) профессионализации. Это может быть связано с их ролью в репродуктивных процессах и большей осведомленностью о проблемах, с которыми сталкиваются женщины, в том числе суррогатные матери. Их позиция указывает на необходимость включения женского опыта в разработку законодательных инициатив. В целом такая картина может свидетельствовать об отсутствии баланса между этикой и практической необходимостью. С одной стороны, есть запрос на четкие правовые рамки, минимизирующие риски, с другой — существует сопротивление идеи профессионализации суррогатного материнства.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы идею о том, что суррогатное материнство должно быть профессией?» (% от общего числа респондентов)

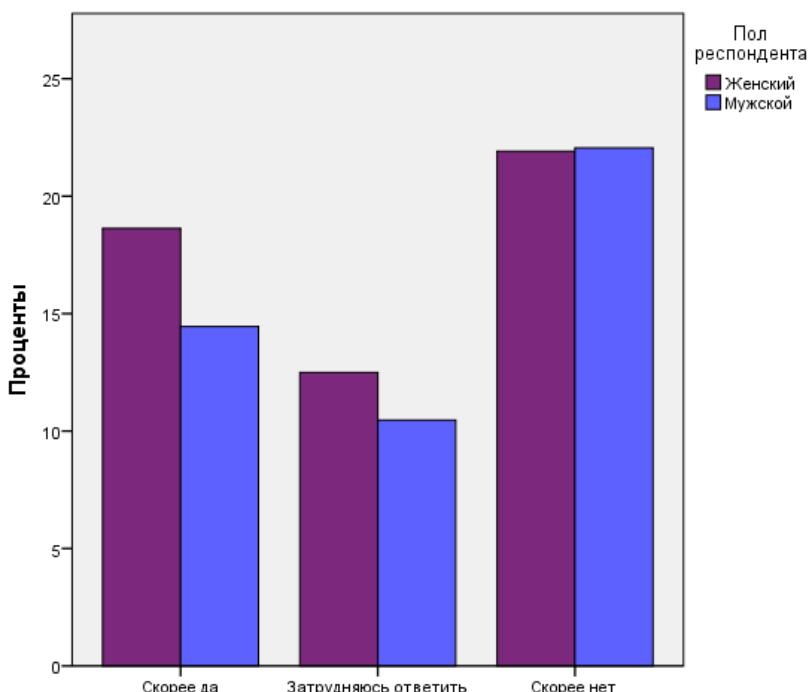
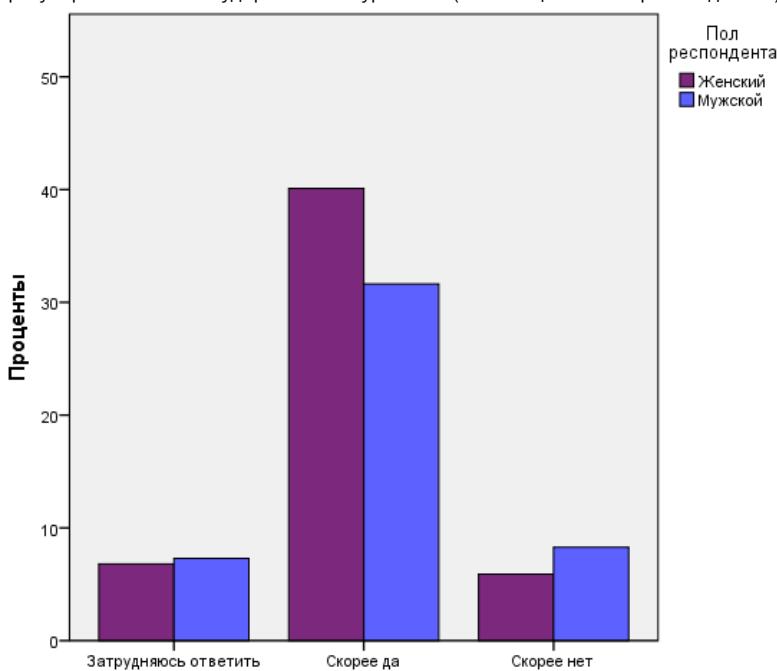

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, суррогатное материнство должно регулироваться на государственном уровне?» (% от общего числа респондентов)

Идея профессионализации суррогатного материнства и систематизации стихийно существующих практик создает напряженность в профессиональной дискуссии. Эксперты единодушно отвергают термин «профессиональная» по отношению к суррогатным матерям, заменяя его на «опытная» или «стажированная», подчеркивая уникальность этой деятельности, которая балансирует между физическим трудом и эмоциональной вовлеченностью. На сегодня взаимодействие участниц программ суррогатного материнства ограничивается неформальными онлайн-сообществами, где обмен опытом происходит хаотично, что, по мнению экспертов, создает риски дезинформации:

Это [создание профессионального сообщества] было бы неплохо... Сейчас это просто форумы. На форумах можно найти абсолютно разную, абсолютно противоположную информацию, в том числе пугающую. И если это будет более экспертное мнение тех женщин, которые через это прошли, я думаю, это будет вызывать и больше доверия у женщин, и они получат более качественную, компетентную информацию. (Эксперт 1, репродуктолог)

Однако большинство специалистов скептически оценивают необходимость создания профессиональных ассоциаций суррогатных матерей, акцентируя внимание на разработке системы подготовки к процедуре суррогатного материнства. Ключевая проблема определяется как отсутствие четкого механизма обучения (ре-

продуктологи перегружены, психологи недостаточно компетентны в медицинских аспектах, а предложение о курсах наталкивается на риски имитации). Эксперты предупреждают: «Любые сертификаты [об обучении] могут стать инструментом махинаций — фирмы будут штамповывать справки за деньги» (эксперт 1). Психолог добавляет, что обучение, аналогичное «школе мам», могло бы снизить риски для обеих сторон, но вопрос документального подтверждения остается спорным (эксперт 5).

Ситуация усугубляется стремлением многих женщин сохранять анонимность суррогатного материнства, что конфликтует с идеей профессионализации. Тем не менее эксперты признают, что для обеспечения прозрачности и защиты прав всех участников необходимо государственное регулирование. Суррогатное материнство остается зоной неопределенности, где попытки институционализации сталкиваются с практикой неформальных договоренностей, а потребность в безопасности балансирует с правом на приватность.

Выводы и обсуждения

Дискуссии вокруг трансформации института семьи в России активно ведутся на протяжении последних десятилетий [Вишневский, 2018; Аношкин, Сычев, 2019], подогреваемые сменой нормативной модели, демографическими рисками, ухудшением репродуктивного здоровья. Повышается внимание к вспомогательным репродуктивным технологиям, пользу и потенциальные риски которых пытаются взвесить как профессионалы, так и общественность. Несмотря на невысокий процент рождений с применением суррогатного материнства⁶, сама технология имеет широкий общественный резонанс и вызывает живой интерес.

Мы рассмотрели общественные и экспертные оценки суррогатного материнства в трех основных плоскостях: моральные и этические основания использования данной технологии, мотивация суррогатных матерей и возможность профессионализации сферы,— и пришли к выводу, что исследовательскую ценность представляют не только суждения как таковые, но и тональность этих двух дискурсов, демонстрирующая противоречивость и многослойность отношения к практикам суррогатного рождения детей. Опираясь на полученные данные, мы считаем, что общественное мнение (на примере Свердловской области) демонстрирует парадокс толерантности: 84 % опрошенных формально поддерживают суррогатное материнство, однако эта поддержка маскирует глубинные этические конфликты. Гендерный разрыв (81,2 % женщин против 68,7 % мужчин позитивно оценивают практику) указывает на различия в оценках суррогатного материнства мужчинами и женщинами. Женщины склонны видеть в суррогатном материнстве инструмент решения проблем бесплодия, но при этом требуют строгой регламентации («доступно только по медицинским показаниям»). Мужчины в целом поддерживают суррогатное материнство, но чаще выбирают нейтральные ответы. Эксперты акцентируют внимание на медико-юридической рациональности, рассматривая практику как альтернативу усыновлению, но игнорируют общественные страхи пе-

⁶ В России в 2021 г. при помощи суррогатного материнства родилось 670 детей (отчет Российской Ассоциации репродукции человека за 2021 г. URL: https://www.rahr.ru/registr_otchet.php, более свежих данных в свободном доступе нет), что составляет примерно 0,05 % от числа всех рождений (всего в 2021 г. в России родилось 1,4 млн детей, данные Росстата, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>) (дата обращения: 30.10.2024).

ред коммодификацией тела. При этом специалисты указывают на стигматизацию в обществе: суррогатные матери и биологические родители предпочитают скрывать свое участие в программе, что отражает конфликт между технологическим прогрессом и традиционными представлениями о родительстве.

Этическая оценка суррогатного материнства во многом зависит от того, чем мотивированы женщины, участвующие в этой программе. Общественное мнение формирует двойственный нарратив, в рамках которого ожидание альтруизма вступает в противоречие с приписываемыми финансовыми мотивами. Общество готово «понять» экономическую необходимость, но не готово легитимировать ее как основу практики. Женщины чаще признают сложность мотивации, связывая ее с социально-экономическими условиями («жилье, долги»), тогда как мужчины романтизируют беременность («нравится состояние»). Эксперты единодушно рационализируют мотивацию, настаивая на приоритете финансового фактора как гарантии прозрачности.

Можно сделать осторожное предположение о неприемлемости в российском обществе идеи профессионализации суррогатного материнства (поддержка менее 18%) в связи с ассоциацией коммерциализации «священного». При этом приветствуется идея государственного регулирования (40% женщин). Это противоречие отражает страх перед превращением репродукции в рынок услуг при одновременном запросе на безопасность. Женщины, как ключевые акторы репродукции, активнее выступают за регулирование, осознавая возможные риски процедуры как для суррогатных матерей, так и для потенциальных родителей. Эксперты скептически относятся к формальным институтам («профессиональные сообщества»), предлагая вместо этого модель «опытной» матери, но признают необходимость системной подготовки. Однако отсутствие механизмов (перегруженность репродуктологов, риски имитации обучения) и анонимность участниц блокируют институционализацию.

Дискурс вокруг суррогатного материнства в России формируется на фоне глубинных противоречий между экспертным и общественным восприятием. Эксперты, акцентируя прагматику (медицинские показания, договорные отношения, финансовая мотивация), рассматривают его как рациональный инструмент решения проблемы бесплодия. Общественность же, формально поддерживая практику, оценивает ее через этико-культурную призму (суррогатность воспринимается как нарушение естественного порядка, что порождает стигму и запрос на ограничения). Причина различий заключается, на наш взгляд, в том, что оценки специалистов опираются на профессиональный опыт и контекст конкретных случаев, тогда как общественное мнение формируют абстрактные суждения. Сопоставление мнений обнажает противоречивость ситуации, когда эксперты игнорируют смыслообразующие вопросы, сосредоточиваясь на решении прикладных задач, а общество, осуждая «продажу материнства», закрывает глаза на реальные драмы людей, имеющих репродуктивные проблемы. Смысл поиска точек соприкосновения между общественной и экспертной позициями заключается в необходимости решить проблему «социальной растерянности» в вопросах потенциала развития и допустимых границ использования вспомогательных репродуктивных технологий, а также снизить социальную уязвимость тех, кто рожден при помощи суррогатного материнства или участвовал в этой программе.

Список литературы (References)

1. Аношкин И. В., Сычев О. А. Связь семейных ценностей молодежи с гедонизмом и эвдемонией // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 8. С. 90—111. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-90-111>.
Anoshkin I. V., Sychev O. A. (2019) The Relationship of Youth Family Values with Hedonism and Eudemonia. *The Education and Science Journal*. Vol. 21. No. 8. P. 90—111. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-90-111>. (In Russ.)
2. Боровкова В. В., Зубко А. В., Сабгайда Т. П., Хоманов К. Э., Краснов Г. С. Отношение медицинского сообщества к правовым вопросам суррогатного материнства // Здравоохранение Российской Федерации. 2022. Т. 66. № 1. С. 76—84. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2022-66-1-76-84>.
Borovkova V. V., Zubko A. V., Sabgayda T. P., Khomanov K. E., Krasnov G. S. (2022) The Opinion of The Medical Community on The Legal Issues of Surrogate Maternity. *Health Care of the Russian Federation*. Vol. 66. No. 1. P. 76—84. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2022-66-1-76-84>. (In Russ.)
3. Вишневский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 125—141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>.
Vishnevsky Yu.R., Yachmeneva M. V. (2018) The Attitude of Student Youth to Family Values (Case Study of The Sverdlovsk Region). *The Education and Science Journal*. Vol. 20. No. 5. P. 125—141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>. (In Russ.)
4. Граматчикова Н. Б., Полякова И. Г. Профессионализация донорства в репродукции: нарративный анализ жизненных историй // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 3. С. 149—180. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.6>.
Gramatchikova N., Polyakova I. (2023) Professionalization of Donation in Reproduction: A Narrative Analysis of Life Stories. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 26. No. 3. P. 149—180. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.6>. (In Russ.)
5. Исупова О. Г., Русанова Н. Е. Восприятие вспомогательных репродуктивных технологий российской студенческой молодежью // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 34—46. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.3>.
Isupova O. G., Rusanova N. E. (2021) Rerception of Assisted Reproductive Technologies by Russian Student Youth. *Population*. Vol. 24. No. 4. P. 34—46. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.3>. (In Russ.)
6. Конрой Н. В. Разумный альтруизм: можно ли примирить мораль и рынок? // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 2. С. 138—150. Рец. на кн.: Berend Z. 2016. *The Online World of Surrogacy*. NY, Oxford: Berghahn Books
Conroy N. (2017) Rational Altruism: Is it Possible to Reconcile Morality with Markets? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 2. P. 138—150. Book Review:

- Berend Z. (2016) *The Online World of Surrogacy*. NY, Oxford: Berghahn Books. (In Russ.)
7. Agterberg S., Van Rijn-van Gelderen L., Van Rooij F. B., De Vos M., Jaspers E., Fukkink R. G., Mochtar M., Goddijn M., Bos H. M. (2024) Demographic and Family-Based Predictors of Dutch Societal Attitudes Towards Surrogacy. *Human Reproduction*. Vol. 39. No. 1. <https://doi.org/10.1093/humrep/deae108.823>.
8. Ajayi M. A., Adelakun Olanike S. (2018) Surrogacy and Its Implications in Nigeria Emerging Issues in Women's Reproductive Rights. *Abuad Journal of Public and International Law*. No. 1. P. 204—223.
9. Armuand G., Lampic C., Skoog-Svanberg A., Wånggren K. Sydsjö G. (2018) Survey Shows That Swedish Healthcare Professionals Have a Positive Attitude Towards Surrogacy but The Health of The Child Is a Concern. *Acta Paediatr*. Vol. 107. P. 101—109. <https://doi.org/10.1111/apa.14041>.
10. Baron T., Svingen E., Leyva R. (2024) Surrogacy and Adoption: An Empirical Investigation of Public Moral Attitudes. *Journal of Bioethical Inquiry*. Vol. 21. P. 671—681. <https://doi.org/10.1007/s11673-024-10343-1>.
11. Berend Z. (2016) *The Online World of Surrogacy*. New York, NY; Oxford: Berghahn Books.
12. Gheaus A., Straehle C. (2023) *Debating Surrogacy*. New York, NY: Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190072162.001.0001>.
13. Jacobson H. (2016) *Labor of Love: Gestational Surrogacy and the Work of Making Babies*. New Brunswick: Rutgers University Press.
14. Kashyap S., Tripathi P. (2022). 'We're Just Business. We're Not People': Revisiting Surrogacy Through Amulya Malladi's, *A House for Happy Mothers*. *Journal of Gender Studies*. Vol. 31. No. 5. P. 584—597. <https://doi.org/10.1080/09589236.2022.2041408>.
15. Liu Y. (2022) Perspectives on Surrogacy in Chinese Social Media: A Content Analysis of Microblogs on Weibo. *Yale Journal of Biology and Medicine*. Vol. 95. No. 3. P. 305—316.
16. Luna, Z., Luker, K. (2013) Reproductive justice. *Annual Review of Law and Social Science*. No. 9. P. 327—352. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-102612-134037>.
17. Lutkiewicz K., Bieleninik Ł., Jurek P. (2023) Development and Validation of The Attitude Towards Surrogacy Scale in A Polish Sample. *BMC Pregnancy Childbirth*. Vol. 23. Art. 413. <https://doi.org/10.1186/s12884-023-05751-x>.
18. Merchant J. (2020). Dead-End in Sight: France Struggles with Surrogacy and Cross-Border Practices. *The New Bioethics*. Vol. 26. No. 4. P. 314—327. <https://doi.org/10.1080/20502877.2020.1835207>.

19. Mohnke M., Thomale C., Roos Y., Christmann U. (2019) Development and Validation of an “Attitude toward Surrogacy Questionnaire” in a German Population. *Journal für Reproduktionsmedizin und Endokrinologie*, Vol. 16. No. 1. P. 6—14.
20. Mukherjee R., Sekher T.V. (2020) Wombs for Money: Commercial Surrogacy Through Kolkata’s Window. In: *Population Dynamics in Eastern India and Bangladesh*. Singapore: Springer. P. 117—132. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3045-6_7.
21. Rahimi Kian F., Zandi A., Omani Samani R., Maroufizadeh S., Mehran A. (2016) Development and Validation of Attitude Toward Gestational Surrogacy Scale in Iranian Infertile Couples. *International Journal of Fertility and Sterility*. Vol. 10. No. 1. P. 11—39.
22. Smietana M., Rudrappa S., Weis C. (2021) Moral Frameworks of Commercial Surrogacy Within The US, India and Russia. *Sexual and Reproductive Health Matters*. Vol. 29. No. 1. P. 377—393. <https://doi.org/10.1080/26410397.2021.1878674>.
23. Stenfelt C., Armuand G., Wånggren K., Skoog Svanberg A., Sydsjö G. (2018) Attitudes Toward Surrogacy Among Doctors Working in Reproductive Medicine and Obstetric Care in Sweden. *Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica*. Vol. 97. No. 9. P. 1114—1121.
24. Suryanarayanan S. (2023) Poverty and Commercial Surrogacy in India: An Intersectional Analytical Approach. *Journal of Analysis of Exploitation and Violence*. Vol. 8. No. 2. Art. 4. <https://doi.org/10.23860/dignity.2023.08.02.04>.
25. Tharakan E. (2024) Law and Economics in Surrogacy Markets. *International Journal of Law, Ethics, and Technology*. No. 2. P. 3—14.

Приложение 1. Структура выборки исследования

Пол	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Женщины	761	52,9
Мужчины	679	47,1
Возраст	Кол-во человек	% от всех опрошенных
18—30 лет	322	22,3
31—40 лет	669	46,5
41—70 лет	449	31,2
Наличие детей	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Есть дети	935	64,9
Нет детей	505	35,1

Семейное положение	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Женат/ замужем	712	49,4
Холост / не замужем и никогда не состоял(-а) в браке	308	21,4
Живем вместе, но официально не состоим в браке	165	11,5
Разведен / разведена	155	10,8
Вдовец / вдова	41	2,8
Состою в браке, живем порознь, но не разведены	28	1,9
Затрудняюсь ответить, другой ответ	31	2,2
Регион проживания	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Курганская область	109	7,6
Свердловская область	471	32,7
Тюменская область	199	13,8
ХМАО	182	12,6
Челябинская область	392	27,2
ЯНАО	87	6,0

Приложение 2. Список экспертов

Код респондента	Должность	Возраст	Пол	Форма собственности предприятия
Эксперт 1	Врач акушер-гинеколог-репродуктолог	50 лет	Женщина	Частная клиника
Эксперт 2	Врач акушер-гинеколог-репродуктолог	29 лет	Женщина	Государственная клиника
Эксперт 3	Заведующий отделением ВРТ	42 года	Мужчина	Частная клиника
Эксперт 4	Врач акушер-гинеколог-репродуктолог	44 года	Женщина	Государственная клиника
Эксперт 5	Репродуктивный психолог	37 лет	Женщина	Частная клиника
Эксперт 6	Директор агентства по рекрутингу доноров ооцитов и суррогатных матерей	39 лет	Женщина	Частное агентство